

DOI: 10.31168/0433-6.12

СОРОКИНА МАРИНА ЮРЬЕВНА

Кандидат исторических наук зав.
Отделом истории российского зарубежья
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
msorokina61@gmail.com

Русское научное зарубежье и Сербская академия наук и искусств в XX веке

Аннотация: В статье рассматриваются коммуникативные стратегии и интеграционные механизмы беженского научного сообщества на примере избрания русских ученых-эмигрантов в Сербскую академию наук и искусств в XX веке.

Ключевые слова: Научные беженцы, русское научное зарубежье, коммуникативная стратегия, научная интеграция, Сербская академия наук и искусств, русская эмиграция, русское зарубежье, социальная история науки.

С окончанием Первой мировой войны европейское научное сообщество налаживало прерванные связи, стремясь восстанавливать их вне прямой зависимости от наличия дипломатических отношений между странами и опираясь прежде всего на персональные и институциональные контакты. Этот процесс имел тем большее значение, что еще рубеже XIX–XX веков европейская наука претерпела существенную институциональную трансформацию, важными элементами которой было появление российского национального научного сообщества и масштабного славянского научного мира. Сохраняя традиционные инструменты научного общения (стажировки, конференции, публикации, личные связи, совместные проекты), все национальные научные сообщества межвоенной Европы разрабатывали свои новые коммуникативные стратегии с учетом и еще одного фактора - постоянных и значительных по масштабам миграций населения, в том числе и научных специалистов.¹

1 *Сорокина М.Ю.* Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: К определению объема и содержания понятия «русское научное зару-

На национальном и персональном уровне трансформация коммуникативных стратегий означала появление категорий «выбора» и «перспективы». Остаться ли в рамках «старой» традиции или стремиться к интеграции в «новую» и какие инструменты избрать для реализации этого выбора – решение этих вполне конкретных вопросов нередко определяло как научную карьеру отдельного ученого, так и национальных научных сообществ в целом.

Как в условиях глобальных социально-политических и военных кризисов сочетались и сочетаются стратегии научных дисциплин, научного сообщества в целом и национального научного сообщества, в частности, – проблема большой исследовательской программы. В настоящей статье на материале взаимодействия двух научных сообществ – российского и сербского, а также, в частности, российской научной диаспоры в КСХС / Сербии, мы наметим некоторые подходы к ее решению.

Столетие «первой волны» русской постоктябрьской эмиграции, ставшей следствием Русской революции (1917) и гражданской войны на территории бывшей Российской империи, – хороший повод для подведения некоторых итогов изучения феномена «русского зарубежья» в целом и тем более стимул для его осмысления и концептуализации в рамках истории XX века.

Если в СССР научное изучение «русского зарубежья», в том числе научного, было фактически табуировано, то с началом эпохи «перестройки и гласности» в конце 80-х – начале 90-х годов XX века русская эмиграция, прежде всего «первой волны», получила статус объекта профессионального исторического исследования. Российские исследователи, в том числе соотечественники русского происхождения – потомки «белой» эмиграции, изучают «русское зарубежье» как неотъемлемую часть «внутренней» истории Российской империи / СССР, как историю прежде всего «потерь» и «страданий», а в последние годы – и как проблему «вклада» русских беженцев в мировую культуру и науку.²

бежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. М., 2010. С. 75-94.

2 Косик В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде: 1920–1950-е годы. М., 2006; Пушкадия-Рыбкина Т.В. Эмигранты из Рос-

Процесс сложной адаптации и интеграции беженцев в новое языковое, культурное и ментальное пространства затронул многие страны мира, в том числе и Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), которое в это же время, наравне с Россией, испытывало сложную постимперскую трансформацию. Как выжить в новых, неожиданных для многих, условиях и не потерять при этом человеческого и профессионального достоинства, сохранив русскую культурную идентичность – эти вопросы повседневной практики беженцев составляли и основу их духовной драмы, и в то же время формировали своего рода стартовый трамплин в новую жизнь. Они отразились в исторической памяти самого эмигрантского сообщества, создавшего мощный образ «русского зарубежья», переданный им современной российской историографии.

Центры русской эмиграции в европейских столицах – Берлине, Париже, Праге и др., концентрировавшие общественно-политическую и культурную жизнь постреволюционной диаспоры, стали одной из магистральных тем историографии, затмив изучение многочисленных и очень своеобразных «провинций изгнания».

Между тем, именно в «провинциях изгнания», к которым многие десятилетия относились КСХС и Белград, в частности, были выработаны многочисленные и своеобразные модели интеграции беженцев в новую среду, в том числе и в области научной жизни и деятельности, которые, однако, до сих не получили должного признания.

Так, известный американский историк русского происхождения Марк Раев, отмечая высокую активность русских ученых в Югославии, считал, что это был «намного менее искушенный и созидательный центр, чем Берлин, Париж или Прага».³ Оценивая единственный в своем роде Русский научный институт в Белграде «как средний», он писал: «Приглашенные извне в Научный институт отмечали его „провинциализм“ и узость эмигрантских интересов в Югославии – возможно, этим объясняется тот факт, что большинство ученых так и не смогло абсорбировать службу в югославских

сии в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007; Русские в Сербии / Отв. ред. А.А. Максаков. Белград, 2009; Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 4: Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / Москва – Србија, Београд – Русија. Документа и материјали. Т. 4 / Руско-српски односи. 1917–1945. Отв. ред. / Одг. Уред. Я.А. Онопенко, М. Перишић. Авторы-сост. / Пр. А. Тимофејев, Г. Милорадовић, А.А. Силкин. М.: Белград, 2017.

3 Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. М., 1994. С. 88.

учреждениях. Другой причиной были специфические промонархические и консервативные, если не сказать реакционные, настроения в этой русской колонии, связанные с наличием большого числа военных и казаков».⁴

Между тем, еще известный философ-эмигрант С.Л. Франк (1877–1950) проницательно замечал: «Вопреки распространенному в русской эмиграции мнению, белградская русская колония отнюдь не состояла сплошь из „черносотенцев“. Кроме некоторого числа серьезных русских ученых, пожалуй, большая часть русской колонии, в том числе и некоторые профессора, были просто средними обывателями, ведущими типично русский провинциальный образ жизни, заполненный едой и картами».⁵

Иное описание белградской жизни русской профессуры давал в 1922 г. участник этого процесса Ю.Н. Вагнер, сразу после эмиграции получивший место профессора зоологии на Сельскохозяйственном факультете Белградского университета: «Все профессора, приехавшие сюда, так или иначе устроились. Большинство получили кафедры. У нас на агрономическом факультете теперь семеро русских профессоров <...>. Долгое время упорно не принимали русских на медицинский факультет, но неимение своих специалистов и тут заставило, в конце концов, прибегнуть к русской помощи. Всего менее русских профессоров на философском факультете, всего больше на агрономическом и техническом <...>. Жизнь здесь в смысле внешности вполне нормальная – как у нас в давнее время <...>. Жалования здесь небольшие, так что семейному человеку необходимо прирабатывать. Сравнительно с чиновниками в лучшем положении рабочие специальности, так как рабочие руки здесь дороги. Какой-нибудь наборщик получает больше, чем профессор университета или учитель гимназии. Простой чернорабочий зарабатывает столько же, как ассистент <...>. Мне моего заработка вполне хватает. Кроме того, я еще преподаю в гимназии. Вообще я в материальном отношении ни в чем не нуждаюсь и могу даже помогать другим. <...> Хуже дело обстоит с духовною пищей. Страна мало культурная. Хороших библиотек нет, решительно все для работы научной, начиная с приборов и кончая простыми банками и обыкновенными реактивами, – надо выписывать из-за границы. Необходимая научная литература совершенно отсутствует. Например, нет ни одной книги, даже популярной, по эн-

4 Ibid. С. 65.

5 Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 156.

томологии, нет ни одного определителя насекомых <...>. Одним словом, положение плохое, как было у нас преимущественно в начале шестидесятых годов <XIX в.> <...>. Считаю, что наш долг не уезжать отсюда, пока не оставим стране нужных учебников и других необходимых руководств по своей специальности. Это надо сделать, хотя бы за оказанное нам гостеприимство...».⁶

Несмотря на то, что в отличие от других европейских стран в КСХС вообще не было самостоятельной русской высшей школы, столица Королевства – Белград на многие годы стала крупнейшим научным центром русского зарубежья, что пока совершенно недостаточно оценивается в историографии. Единственной значительной аналитической работой, затрагивающей этот вопрос, стала диссертация В.С. Путьгина «Российские профессора югославских университетов (1920–1941)», защищенная в МГУ в 2010 г., а также монография В.И. Косика «Что мне до вас, мостовые Белграда?» и отдельные статьи в материалах конференции «Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в.».

Между тем, именно в Белграде местные власти, научное сообщество Королевства и русские ученые-эмигранты сумели создать такую модель интегративного взаимодействия, которая, в отличие от других европейских стран, действительно функционировала на всем протяжении межвоенного периода и не только поддерживала социальные связи внутри значительной русской беженской общины, но и способствовала активному и эффективному взаимодействию эмигрантских и местных научных институций.

В университетах КСХС, по данным М. Йовановича, преподавало свыше ста русских профессоров и ученых, только в Белградском университете их было более семидесяти,⁷ что, безусловно, отражало заинтересованность властей и общества недавно возникшего государства в расширении своих интеллектуальных ресурсов за счет притока высококвалифицированных кадров из России. Этот интерес способствовал созданию условий для реализации профессиональных карьер ученых-беженцев. Так, в КСХС, в отличие, например, от западноевропейских стран, свидетельства и дипломы об образо-

6 Цит. по: Фокин С. И. Зоолог Юлий Николаевич Вагнер: Неаполь – С.-Петербург – Киев – Белград // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. СПб., 2009. С. 112.

7 Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920-1940. М., 2005. С. 332.

вании, научные степени, полученные в России до 1917 г., считались имеющими законную силу.

Другим важным движущим механизмом этой интегративной модели служила Сербская королевская академия наук / Сербская академия наук и искусств (САНИ). Помимо признания научных заслуг избранных и их вхождение в научную элиту государства, членство в академии открывало почти безграничные возможности для расширения и продвижения профессиональной научной карьеры. Только до Второй мировой войны членами САНИ разного статуса было избрано восемь российских ученых-беженцев, все они были профессорами Белградского университета. Еще больше россиян, покинувших родину в первой половине XX в., получили признание в Академии после Второй мировой войны. Ни одна другая зарубежная научная академия межвоенного периода не принимала в свои ряды такого количества русских ученых, тем более эмигрантов. Это настоящий историко-научный феномен, требующий самостоятельного историко-научного изучения.

Первым из россиян членом-корреспондентом Сербской академии наук был избран уже в 1921 г. известный филолог-славист Степан Михайлович Кульбакин (1873–1941); в 1926 г. состав Академии пополнился математиком Антоном Дмитриевичем Билимовичем (1879–1970), в 1932 г. – геологом Владимиром Дмитриевичем Ласкаревым (1868–1954) и правоведом Федором Васильевичем Тарановским (1875–1936), в 1934 г. – математиком Николаем Николаевичем Салтыковым (1872–1961) и правоведом Евгением Васильевичем Спекторским (1875–1951).⁸

Иностранцами членами Сербской академии в довоенный период стали историк-византист Александр Александрович Васильев (1867–1953) и правовед Борис Сергеевич Миркин-Гецевич (1892–1955). Каждый из них сделал индивидуальную научную карьеру в зарубежье, не связанную с русскими эмигрантскими учреждениями и опирающуюся на их личный научный авторитет и международные научные связи.

Президент Археологического института им. Н.П. Кондакова (с 1936) А.А. Васильев на протяжении многих лет был своего рода жи-

8 *Сорокина М.Ю.* Пересекая границы: российские ученые-эмигранты – члены Сербской академии наук и искусств // *Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении* (Белград, 1–2 июня 2011 г.). Белград, 2012. С. 69–77.

вым связующим центром между российскими учеными-эмигрантами и их коллегами из западного и балканского научных сообществ. Похожая судьба и миссия были у эмигрировавшего в 1920 г. Б.С. Миркина-Гецевича, который впоследствии возглавлял международные научные институции во Франции и США.

Практически все российские специалисты приехали в Королевство уже в звании профессоров университетов, преимущественно Харькова и Одессы, но большинству из них понадобилось 10–12 лет для утверждения своего научного авторитета в сербской научной среде и пик избрания русских ученых в Сербскую академию пришелся на 1932–1934 гг. Но в отличие от многих своих коллег – ученых-эмигрантов, вынужденных неоднократно менять страну пребывания, что нередко заканчивалось потерей профессионального статуса, почти все крупные русские ученые-беженцы, оказавшиеся в КСХС, навсегда связали свою профессиональную и личную судьбу с этой страной, став основателями многих научных школ и направлений, директорами академических институтов, и закончили свой жизненный путь здесь же.

Сразу после Второй мировой войны, в 1946–1948 гг., в составе Сербской академии наук и искусств появились еще несколько бывших русских ученых: химик Николай Антонович Пушкин (1875–1947), инженер-механик Владимир Владимирович Фармаковский (1880–1954), византолог Георгий Александрович Острогорский (1902–1976). В 1955 г. в состав Академии вошли инженер-механик Яков Матвеевич Хлытчичев (1886–1963) и лингвист Роман Осипович Якобсон (1896–1982), в 1958 г. – специалист в области прикладной механики Константин Петрович Воронеж (1902–1974), в 1959 г. – археолог и историк Андре Грабар (1896–1990), в 1988 г. иностранным членом Академии стал историк Дмитрий Оболенский (1918–2001). Наконец, нельзя не упомянуть и о слависте Ирине Георгиевне Грицкат-Радулович (1922–2009) – члене-корреспонденте Сербской академии с 1978 г., действительном члене с 1985 г., которая родилась уже в Белграде, но всегда подчеркивала свое происхождение из семьи русских эмигрантов.

Впрочем, стоит отметить, что в наше время объем и содержание понятия «русский» (и даже «российский») существенно изменилось. Сегодня принадлежность к той или иной национальной школе и / или ветви эмиграции, в том числе и прежде всего из Российской империи / СССР, определяется в европейской историографии, заим-

ствующей этот подход из американской исторической традиции и миграционной практики, местом рождения человека. Например, родившийся в Житомире в семье военного, стоявшего в этом городе гарнизоном, известный ученый и общественный деятель А.Д. Билимович, сегодня автоматически становится причисленным в историко-научной и биографической литературе к «украинской» эмиграции. Подобного рода метаморфозы исторических практик и политик коренным образом изменяют взгляд как на миграционные потоки всего XX века, так и на описание русского эмигрантского сообщества в КСХС / Королевстве Югославия.

Если учесть, что беженцами в этой стране оказались прежде всего российские подданные / граждане, родившиеся и проживавшие в южных губерниях бывшей Российской империи, то приходится констатировать, что историческая «русская научная эмиграция» буквально исчезает на наших глазах...

Постоянное избрание русских ученых, писателей и общественных деятелей, в том числе ученых-беженцев, в Сербскую академию символизировало историческую преемственность связей культур и интеллектуальных элит двух стран. Оно не могло бы состояться без многолетних персональных и научных контактов и связей между русскими и сербскими специалистами.⁹

По нашим подсчетам, всего на протяжении 1842–2006 годов в САНИ было избрано 118 россиян¹⁰. Еще в дореволюционный период ее членами стали 47 человек, в абсолютном большинстве (46) – представители гуманитарных наук. Первым из них был избранный в 1842 г. русский учёный, критик, философ и журналист, этнограф Николай Иванович Надеждин (1804–1856). Почётным членом Сербской королевской академии наук был писатель Л.Н. Толстой; среди избранных в разные категории членов Академии были известные ученые и писатели: И.С. Аксаков, Ф.И. Буслаев, В.Г. Васильевский, А.Н. Веселовский и др. – все, так или иначе, идеологически и / или научно, непосредственно связанные с идеями панславизма, славянского единства и ренессанса. Единственный естественник среди избран-

9 *Петрович А.* Мост, через который еще предстоит перейти: русские ученые – члены Сербской академии наук после Октябрьской революции // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. СПб., 2009. С. 77-88.

10 Здесь мы учитываем только первое избрание ученого.

ных россиян – выдающийся химик Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907), член Сербской академии с 1904 г.

В то же время избрание русских ученых – политических изгнанников в своей стране после 1917 г., было своего рода демонстрацией корпоративной солидарности и их поддержки со стороны югославянского научного сообщества. Даже после Второй мировой войны Сербская академия наук и искусств, наряду с избранием в свой состав представителей научного сообщества СССР, продолжала пополнять свои ряды и учеными российского происхождения, вынужденно покинувшими родину по политическим причинам. Тем самым коммуникативная стратегия САНИ на поддержание связей с российским научным сообществом, где бы ни находились его представители, получала полномасштабную реализацию и в послевоенный период.

Всего на протяжении 1945–1991 гг. (то есть до распада СССР и Югославии) в САНИ было избрано еще 47 человек – граждан СССР и русских ученых-эмигрантов. В этот период количество представителей наук физико-математического и естественного цикла стало значительно выше за счет ученых из СССР и достигло 30 человек, что составляет почти 75 % избранных. Самыми “урожайными” годами избрания для советских ученых были 1965 г., когда в САНИ появилось сразу 11 новоизбранных членов из СССР, 1991 г. – 5 человек, 1959 и 1971 г. – по 6 человек.

Ни один специалист русского происхождения не был избран в САНИ в 1950–1954, 1956–1957, 1960, 1962–1964, 1966–1970, 1972–1975, 1977–1980, 1982–1984, 1986–1987, 1989–1990, 1992–1993, 1995–1996, 1998–1999, 2001–2005 гг.

Конечно, было бы интересно детально изучить и документально подтвердить сам процесс выдвижения всех российских / советских кандидатур в члены Сербской академии наук: кто, когда и с какой аргументацией их предлагал, какие отзывы приходили, кто оппонировал кандидатам и т. п. Важно было бы обратить внимание и на то, как в рамках избирательных процедур учитывались вопросы гражданства, а также проследить, как складывались судьбы семей русских ученых-эмигрантов. Эти и другие историко-научные вопросы могли бы составить основу программы по изучению русской научной элиты как в изгнании, так и в целом в динамическом взаимодействии с сербским научным сообществом КСХС / Королевства Югославия / СФРЮ.

Marina Sorokina, Ph.D.,
Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

Russia Abroad and the Serbian Academy of Sciences and Arts in the Twentieth Century

Abstract: The article discusses the communication strategies and integration mechanisms of the refugee scientific community by the example of the election of the Russian emigrant academics to the Serbian Academy of Sciences and Arts in the twentieth century.

Key words: Scientific refugees, Russian scientific abroad, communication strategy, scientific integration, Serbian Academy of Sciences and Arts, Russian emigration, Russia Abroad, social history of science and scholarship.